

А. ЗЛОБИН

Санитарный день (Записки современника о похоронах Н. С. Хрущева)

11 сентября 71-го года. Слушали с Н. Эйдельманом* в Переделкине радио: у него хороший приемник. Поймали на середине диктора, говорившего о десталинизации. И вдруг мелькают слова о Хрущеве: с 64-го года он жил на даче... Мы насторожились, прошлись по всем диапазонам. И по всему эфиру это имя — «мор», «дайд», «гешторбен».

Н. С. Хрущев умер. Завершилась целая эпоха, пришедшая на середину нашей жизни. Впрочем, эпоха завершилась еще раньше: 14 октября 1964 года, когда Хрущева сняли. Теперь же это окончательно отошло в историю. Однако всем интересно знать — как его будут теперь хоронить? Наши чингисханы пока хранят молчание. Завтра в газетах появится небольшой некролог, который будет подписан: группа товарищей. Затем хорошо, если дадут ему место на Девичке**, считайте, что покойнику крупно повезло. Хрущев погорел из-за своей половинчатости. Вся русская история — это явление нашей нерешительности, половинчатости. Как начали 14 декабря стоянием на Сенатской площади¹, так и тянем с тех пор резину, а резина двужильная, никак не лопается.

12 сентября, воскресенье. Москва безмолвствует, тупое молчание. С утра кто-то приехал из города.

— Слышали про Хрущева? Что говорят в Москве?

— По-разному.

— Где же вы слышали?

— Разумеется, в электричке. Пенсионер говорил. Он спрашивал: умер Хрущев или не умер?

* Русский писатель, историк, публицист. — С. Х.

** Новодевичье кладбище. — С. Х.

Пытаюсь прочесть «Правду» на свет, но там ни строчки, ни звука, ни просвета. Значит, будут тайные похороны, самый страшный вариант. Некомпетентность в масштабе управления страной — что может быть ужаснее? От такой мысли мурашки по коже.

Вечером пытаюсь обзвонить знакомых: никто ничего не знает, слышу в ответ возгласы удивления. Значит, у нашей страны нет никакого прошлого, нет истории, столь же беспросветно и ее будущее.

13 сентября. Осуществляется дьявольский план, который можно назвать и хитроумным, вполне, впрочем, в духе дворцовых интриг. «Правда» дала уголок в полурамке, из которого явствует, что у нас все-таки был бывший секретарь ЦК и председатель Совета Министров².

А что дальше?

Звонит из Переделкина Борис Ямпольский:

— Если хочешь сделать хорошую покупку, о которой мы с тобой говорили, будь без четверти одиннадцать у «Березки» напротив Девички.

— Это точно? Откуда ты узнал?

— Серый сказал.

Значит, нынче будут похороны частного лица, а завтра можно выступить и с развернутым некрологом. У нас крепко любят покойников, но предпочитают скорее избавиться от них, а после начинаются всякого рода эксгумации. Вот когда его закопают поглубже, тогда можно будет и сказать: покойник был неплохим человеком, а мы не хотели, чтобы народ глумился над трупом, поэтому так и сделали — мы оберегали интересы покойника, мы же великие гуманисты.

Записал второпях. Время 10 часов утра. Пора ехать. Ловим такси.

— Вам куда?

— К Новодевичке, — говорю. — Едем хоронить Хрущева.

Зина* толкает меня в бок, а таксист говорит:

— Был сейчас в кунцевской больнице, там все оцеплено: автобусы, машины, войска.

Начинаем гадать: может, и нам к Кунцлагерю поехать и начать оттуда? Зина против. Да и на дороге все спокойно, усиленных нарядов не видеть: везти-то его будут по той же дороге. Зато у монастыря все оцеплено.

— Вот «Березка», — говорит таксист. А майор уже машет нетерпеливо: проезжай.

* Жена писателя. — С. Х.

На мосту окружной дороги торчат зеваки. Поворачиваем влево. Высаживаемся — тут можно.

Перед нами чистый скверик, на дорожках только патрули. Неужто все оцеплено и нам не подойти к «Березке», где назначено свидание с Ямпольским? Такого оборота событий мы никак не предвидели. Идем вокруг дома в надежде пройти внутренними двориками. Куда там! Всюду грузовики с брезентовыми коробками — точно так было и на похоронах Сталина.

Монастырь обложен со всех сторон. У грузовиков стоят солдаты, у офицера на пузе рация. На погонах обозначено — ВВ.

Возвращаемся обратно на скверик. Перед нами движутся четыре иностранные спины — их пропускают. Чернявый паренек снимает телекамерой патрулей и автобусы на фоне монастырской стены — хороший будет кадр, валютный.

Приближаемся к сержанту. Стоп! Нельзя.

— Нам надо на кладбище, — говорю.

— Сегодня санитарный день, кладбище не работает.

— А эти машины тоже для санитарки, да? Не крутите нам мозги, сержант, мы приглашены Радой Сергеевной, — тут уж я сам сбился, не сообразив сразу как надо. — Рада Никитишна нас пригласила.

— А где приглашение? — хорошо уже то, что он вступил в диалог.

— Мы ее друзья, она по телефону сказала: приезжайте к 11 часам к «Березке». Разве могла она знать, что будет оцепление? — и показываю ему свой писательский билет.

На помощь сержанту поспешает старшина. Обращаюсь к нему. Старшина задумался, но ответа не дает.

Метров через пятнадцать нас останавливает на той же дорожке штатский чин в плаще. Предъявляю удостоверение и повторяю словесную версию. Штатский сотрудник совершает молчаливый жест: проходите. Таким же макаром преодолеваем еще два кордона.

Прямо на газоне стоит коричневая «Волга». Пристраиваемся к ней — как бы ее пассажиры.

Теперь можно оглядеться. Зевак с моста уже прогнали, там прохаживается патруль. По ту сторону моста на дороге стоят грузовики. Ворота кладбища наглухо закрыты. Рядом с нами стоит автобус с грифом — УВД. Над автобусом — многоколенчатая мачта. По соседству второй автобус с мачтой и антенной. Это уже второй вид осаждающих — ВВ. От автобуса тянется по траве провод полевого телефона. Но все спокойно и тихо. Рации бездействуют. Похаживают полковники и генералы в штатском. Монастырь в осаде.

Но где осажденные? Изредка просачиваются старушечки с букетиками цветов. Их проверяют, и они переходят на ту сторону улицы — к воротам, где накапливаются прореженной толпой.

У осажденного монастыря самый мирный вид: видны луковицы собора Богоматери Смоленской, шестиярусная соборная колокольня обхвачена вполне мирными реставрационными лесами.

Со стороны «Березки» к нам пробрался Борис Ямпольский. Начинается дождик. Предлагаем Зине укрыться в «Волге», что она и делает, спросив позволения у шофера. Теперь мы еще крепче прикрыты.

На улице возникает движение, идут черные «Волги». Подкапывается автобус, выходят музыканты с трубами. Оркестр явно кладбищенский.

А вот и бортовой грузовик с венками, за ним автобус с зашторенными окнами. Машины проезжают на территорию кладбища, и ворота тут же, словно автоматически, закрываются. Мы тоже трогаемся на ту сторону улицы. В калитке приоткрылась тонкая щелочка, но мы уже наседаем.

Кто-то кричит:

— Откройте, нас же немного.

Генерал в штатском плаще сурово командует:

— Лисичкин, открыть! Быстро!

Солдаты еще копаются с крюком у ворот, а я уже проник в калитку и вижу красную крышку гроба.

Итак, оборона прорвана, это же чудо! Спешим по главной аллее. Ямпольский успевает шепнуть мне:

— Мы тут самые опасные.

Я обгоняю его, стремясь поспеть к автобусу. Гроб уже вытаскивают, вижу белый матовый лоб, утопающий в подушке. Хватаю ножку гроба и тут же оказываюсь каким-то образом оттесненным. Поспеваю только ухватиться за венок и уже не выпускаю его из рук. Процессия тронулась, я пристроился.

Читаю надпись: «От Совета Министров». Вот что мне досталось.

Гроб поставили на земляную кучу, он словно бы утонул в толпе, и я ничего не вижу. Зина оказалась ближе меня, прямо с родственниками, за ней цепочка штатских. Кто-то сбоку командует:

— Взялись за руки. Не подпускать.

И тут они продолжают держать оборону. Начинается панихида. Ее ведет невысокий человек в черном костюме с расслабленным лицом. Он говорит с достоинством и горечью. Это Сергей Никитович Хрущев, сын покойного.

Шел дождь, мелкий, сеющий, над гробом держали черный зонтик, который долго не раскрывался. Нам-то ничего, а вот

туалет покойного мог нарушиться. Потом говорила донбасская большевичка: пустые слова о партийности, большевистской принципиальности, революционном огне и все такое прочее, что мы слышим на партсобраниях. Потом выступил Вадим Васильев, который заметно волновался и все время твердил «так сказать». Говорил о 37-м годе, он восстановил честь моего отца и моего деда, так сказать, будут благодарны ему за это, так сказать.

А я подумал, что Хрущев освободил не только 10 миллионов людей, сидевших в лагерях, но и всех нас. И меня он освободил, хотя я и был как бы на свободе. Вот почему я стою сейчас у его гроба.

Ораторы выступали, стоя на куче земли. Сергей Никитович давал им слово, каждый раз подчеркивая, что у нас семейные похороны.

Снова заиграл невидимый кладбищенский оркестр, стали подходить прощаться. Покойник желт и худ, нос заострился, рот в провале, сухая пергаментная желтизна.

— Проходите, проходите, — подталкивают меня.

В ногах мужчина держит красную подушечку: четыре Золотые Звезды, двадцать орденов — вполне приличные семейные похороны. Я хотел было остаться в ногах, но меня снова оттеснили штатные единицы, они были рассеяны всюду среди нас и ладно исполняли свою работу по защите гроба. Но все равно все было снято и записано, даже микрофон повис над кучей земли.

Родные держатся стойко. Кто-то, верно Юлия*, всхлипнула. Рада ее тут же одернула:

— Держись, тебе говорят. Мы же договорились.

Поперек могилы лежит лом. Приготовлены веревки. Рядом находится могила Сергея Садовского, ее всю затоптали. Сергей Садовский — кто он такой? Забивают гвозди.

— Леша, тащи.

...Продолжим наши игры. Да уж и недолго осталось. Гроб подтащили и поставили на лом. Хороший гроб, за 154 рубля, мы с Юрой** мечтали отцу такой выкупить, да не осилили. У могилы орудуют пять могильщиков — сколько из них штатских?

И снова:

— Леша, выдергивай.

Дыра была глубока, долго опускали. Начали потом землю бросать, я тоже швырнул несколько пригоршней, в азарт войдя. Вот когда мне горло сдавило.

А могильщики уже всю работу делают лопатами. Штатные тут же запыхались, а вольнонаемным хоть бы хны. Сразу видно: кто есть

* Внучка Н. Хрущёва. — *Примеч. ред.*

** Брат писателя. — С. Х.

кто. И вот уже вместо дыры и над нею вырос холмик, словно бы гроб вытеснил его из земли по закону Архимеда. Ребята охлопали холмик лопатами, и все стало гладко. Подошла Нина Петровна* и положила большую красную розу. Вообще она прекрасно держалась, да и все остальные из близких. Только один Алеша Аджубей все время пытался быть в отдалении, стремясь раствориться в дождике.

Я оторвал ромашку от совминовского букета, она уже почти не пахла. Все завершилось быстро, почти стремительно. Операция по обороне монастырских стен проведена блестяще спокойно: семейные похороны под государственной охраной с пятью дивизиями прошли так, что лучше некуда. Старушка за моей спиной говорит:

— Живем плохо, а кончаем все одинаково.

Мы еще стоим, хотя делать нам уже нечего. Пытаемся разговаривать, но рядом тут же вырастает штатная единица, все дорожки заставлены ими, они простреливают нас глазами, но мы уже плевали на них.

Оглядываюсь. Сколько нас тут было? Всего человек четыреста, но доброхоты явно в меньшинстве — остальные штатные. Ни один чин с «Волги» к машине не подошел — это им не положено. Им дано только не пущать — и никак нельзя идти туда самим. Выходим из ворот. Там висит объявление: в понедельник, 13 сентября, кладбище не работает — санитарный день. Служитель снимает объявление: санитарный день завершился.

Показался Рудный:

— Смотрите, все прошло спокойно. А меня предупредили: будет Ходынка.

Так мечтали прогрессисты и потому не пошли, надеясь, что придут другие. Разбитый, опустошенный, еду в город, должен был встретиться с Зингерманом**. Тот спрашивает меня, едва я вошел в институт:

— А Евтушенко читал стихи?

Молва идет впереди меня, только что успевшего сойти с троллейбуса. Через три часа встретил Евтушенко в клубе писателей.

— Что же ты не был на похоронах?

— Я был там раньше тебя, — объявляет он. — Я был в морге.

Очень точно рассчитано. У могилы ему сейчас невыгодно появляться, тем более со стихами. А в морге, в замкнутом пространстве, — пожалуй, подойдет.

К вечеру еле добрался домой, нацарапал отчет об осаде монастыря и вот сегодня, уже в Переделкине, дописываю все это, несколько

* Жена Н. Хрущёва. — *Примеч. ред.*

** Литературовед, член Союза писателей. — С. Х.

придя в себя и будучи уже в состоянии подумать о том, что было. Хрущев умер, но появился призрак Хрущева. Предсказанный мной на сегодня некролог в центральной прессе не напечатан, значит, у них даже хитроумности нет, есть только тупость да страх. Все соцстраны дали фото и некрологи, молчит одна ГДР. Албания объявила: умер главарь шайки ревизионистов.

Вот и получается у нас, что ничего не было: ни XX, ни XXII съездов, ни сталинских преступлений, ни хрущевской оттепели. Какая тупость! Такая тупость, что она не поддается никакому программированию. Тупость и ложь, рождающиеся из страха. А это уже фашизм. Брежнева я не пойду хоронить, а он ведь кончит еще хуже, это уже точно решено, хоть еще и не подписано. На этом можно поставить точку на моем кладбищенском репортаже, однако продолжают поступать все новые сведения.

Кладбище было закрыто еще 6 часов, людей не пускали, что-бы они могли положить цветы на могилу. А зона оцепления начиналась от метро «Спортивная», тысячи людей скопились там, но все улицы были перекрыты — об этом рассказал Анатолий Аграновский. Вот и получились семейные похороны с участием вооруженных сил. Тайные похороны, запрещенные похороны — любые эпитеты оказываются тут возможными и недостаточными. Тупее не может быть, но в данном случае оказывается справедливой поговорка: чем хуже, тем лучше. Наши чингисханы лишний раз показали всем, что они ничего не могут, не умеют, ни к чему не готовы. Но должна же тут быть и какая-то подоплека, еще не очень явная, но тем не менее весьма существенная. Что-то еще такое мы узнаем в самое ближайшее время, подобные кладбищенские истории так просто не кончаются. И мертвецов ни с того ни с сего не пугаются.

15 сентября. Утром, едва я вошел в столовую, Ямпольский зовет меня и выводит в закуток перед туалетом.

— Прошу тебя никому не говорить о том, что я был на похоронах. И в дневниках не упоминать моего имени, я же знаю, что ты пишешь. Я исчез, я не существую, я не желаю, чтобы мной занимались. Меня нет.

— Да я и не говорил никому. С чего ты взял?

— Во всяком случае прошу тебя на будущее: меня нет и никто не должен мной заниматься. Я хочу дожить спокойно, сколько мне осталось, поэтому я не существую.

— Хорошо, Борис, я никому не говорил и никому не скажу, только ты не умирай от собственной храбрости.

— Я тебе повторяю. Я никого не боюсь, просто меня нет, я знаю, что это такое, когда тобой начинают заниматься, и не желаю этого.

— Ах, Боря, а ты еще говорил, что мы тут самые опасные. Чем же ты опасен, если ты не существуешь?

— Именно этим я и опасен.

Так мы поговорили, и я поехал в Москву по делам. Всюду приходится рассказывать о похоронах. Взамен получаю добавочную информацию: кладбище уже завалено цветами, все соцстраны прислали Нине Петровне телеграммы со словами соболезнования. Это же элементарный акт вежливости элементарно воспитанного человека. Но только не наши чингисханы. Как у Гейне: это такие дураки, которые не знают своего дурацкого ремесла. Путешествовал по маршруту — «Советская Россия», «Новый мир», «Литгазета».

Вот сдать бы им мой репортаж о похоронах великого реформатора и обольстителя Н. С. Хрущева.

— Примите рукопись и распишитесь в получении.

Вот бы они забегали, запрыгали от радости.

— Да, да, в набор! Немедленно.

Или в «Литгазету» отнесу — к Сыру*. Тот прочтет и скажет мне правду-матку:

— Это надо печатать в «Нью-Йорк таймс». На первой полосе. Но я туда материалы не подписываю.

Увы, подобные мысли мне даже не приходят в голову. Мой репортаж написан на русском языке, но русским шрифтом он напечатан быть не может, а латинским алфавитом я и сам не хочу.

Выходит, я тоже не существую. Борис Ямпольский прав.

Остается задать последний вопрос: когда это будет напечатано русским шрифтом?

* Виталий Сырокомский, в то время первый заместитель главного редактора «Литгазеты». — С. Х.